

А. Н. НЕХАМКИН, В. А. НЕХАМКИН

КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО В ОБЫДЕННОМ ПОЗНАНИИ: УРОКИ ДЛЯ УЧЕНОГО

В статье рассматриваются особенности контрфактического моделирования прошлого применительно к обыденному познанию. Выявляются идеи, лежащие в основе выдвигания альтернативных исторических гипотез и создания описаний потенциального прошлого. Намечаются перспективы совершенствования данной методологии.

Ключевые слова: *контрфактическое историческое моделирование, обыденное познание, сценарии несостоявшейся истории, проверка сценария*

Прошлое часто интерпретируется с позиции интересов настоящего, что истинно даже для научного историописания, которое вынуждено отвечать на требования государства в ходе подготовки учебников, а порой подвергается прямой цензуре (ее природа прекрасно показана в романе Оруэлла «1984»). Ученые-историки, будучи одновременно представителями конкретного социума, способны порой отойти от принципа объективности (представления о прошлом, как оно «было на самом деле») в отношении событий новейшей истории и внести в их описание собственную оценку, суждение, позицию. На уровне обыденного познания (понимания) прошлого без субъективности вообще нельзя обойтись.

Возьмем недавний пример. Не отрицаемый историками факт наличия отношений между наследником русского престола (будущим императором Николаем II) и М. Кшесинской в 1890–1894 гг., будучи художественным образом интерпретированным в кинофильме А.Е. Учителя «Матильда», вызвал шквал «негодования» части российской общественности, отдельных депутатов ГД РФ, требовавших запрета проката картины. Ее планируемый выход привел к практическим деструктивным действиям (поджогу нескольких кинотеатров в разных городах). Поразительна связь прошлого с настоящим: после крушения монархии и смерти Николая II прошло 100 лет, но ситуация до сих пор будоражит умы. Более того, протоирей отец Всеволод (Чаплин) заявил: «Проклятие Божие да падет на всех, кто снял и продвинул кощунственный фильм! ...Проклятие Божие да падет... *на наш народ* (курсив авт.), который это кощунство не остановил и допустил...»¹. Оказывается, за интерпретацию прошлого, которая кому-то не нравится, можно «проклясть» не только создателей «кощунственного фильма», но и... весь народ! Какой урок может дать подобная дискуссия? Как показывает «казус «Матиль-

¹ Чаплин на видео проклял россиян за «Матильду» // www.https://big-rostov.ru/est-mnenie-2/chaplin-na-video-proklyal-rossiyan-za-matildu/

ды», при восприятии событий прошлого в обыденном сознании уровень субъективности существенно повышен. Между тем в профессиональной среде существует контрфактическое моделирование прошлого: ученые пытаются ответить на вопрос: «что было бы, если?» в отношении отдельных исторических личностей и событий, хотя мысленный эксперимент может стать неудачным.

Некоторые специалисты создают фантастические описания. Так, П. Цурас начал с гипотезы: что, если бы силы НАТО в 1989 г. начали бомбардировать неожиданно перешедшие в наступление из ГДР части Советской Армии контейнерами со спиртным? Созданный на этой основе «научно-фантастический сценарий» (ибо составлен профессиональным американским военным и технически мог быть реализован на практике) завершается выводом: «Советские дивизии первого эшелона, застряли намертво. Точнее, ...напились вусмерть»².

Как реагировать на подобные «версии»? Можно снисходительно, критикуя ошибки. Можно – в духе «Казуса Матильды», по принципу «полезнее всего – запретить». Как кажется сторонникам последней точки зрения, особенно «надежно» оградить от «потенциального прошлого», надо российскую молодежь. Например, О.А. Дмитриев утверждает: «альтернативная история» *неприемлема как средство углубленного изучения истории, ...вредна для формирования исторического сознания молодежи* (выделено авт.), ибо изучающий не всегда отличает вымысел от свершившихся фактов»³. Специфическая «расплата» за стремление отдельных ученых «спрятать голову» в «чистую науку» и не откликаться на альтернативные сюжеты относительно прошлого пришла быстро. Позиция О.А. Дмитриева взята из его статьи, опубликованной в сборнике «Битва за Ленинград. Проблемы современных исследований» (2007). Уже 7 лет спустя многие из «огражденных» подобным образом от альтернативной истории молодых людей проголосовали в опросе телеканала «Дождь» 27 января 2014 г. за сдачу Ленинграда вермахту в 1941 г. по «гуманитарным соображениям». Капитуляцию города поддержали 53% участников такого постфактического исторического «референдума»⁴. Запрет изучения альтернатив прошлого (как одна из причин) привел на уровне массового сознания молодежи к локальному успеху его наиболее радикальной антипатриотической интерпретации. Пример показывает: с позиции науки анализ потенциальных вариантов минувшего необходим.

Речь в статье пойдет о контрфактическом моделировании (КФМ) прошлого не в научном познании, а в обыденном. Последнее проявляется в разных формах: мифов, опоре на повседневный опыт, личную жиз-

² Пламя «холодной войны»... С. 425; 429.

³ Битва за Ленинград... С. 7.

⁴ Нехамкин 2017. С. 250.

ненную практику, здравый смысл (народную мудрость), средства искусства. Запретить любителям, политическим деятелям, публицистам самостоятельно заниматься КФМ и обнародовать результаты своих «опытов» не получится. Однако следует учесть, что в результате подобной деятельности возникают своеобразные «продукты». Д.Э. Харитонович привел интересный пример такого «народного творчества». В середине 1990-х гг. преподавательница Основ безопасности жизнедеятельности, т.е. дисциплины, формально далекой от истории задала школьникам сочинение на тему: «Что было бы сейчас с Россией, если бы в XX в. не было двух мировых войн?». Ученики, экстраполировавшие сохранение в стране монархии, предложили разнообразные варианты: от создания двадцатиметрового памятника императору Александру II скульптором З. Церетели до прихода к власти императора Петра IV, портрет которого работы художника А. Шилова украшает Третьяковскую галерею. Министр финансов А. Чубайс выдает дочь за вождя племени хуту из Германского Конго в обмен на концессии по добыче каких-то полезных ископаемых. Эту новость в газете «Московский царедворец» сообщает ее корреспондент А. Хинштейн. Такая «альтернативная история» получилась в рамках подросткового народного творчества! Д.Э. Харитонович сделал из изложенного грустный вывод: «Стыдно молчать и давать высказываться риторам, как говаривал Аристотель»⁵.

Сходный процесс вовлечения обычных людей в сферу альтернативной истории идет и на Западе. В октябре 2015 г. журнал «The New York Magazine» провел опрос на тему: «Если вы смогли бы вернуться в прошлое и убить Гитлера, когда он был еще ребенком, вы бы это сделали?» В нем участвовали и «взрослые» респонденты. Результат: «за» – 42 %, 30% – против, 28% не смогли определиться⁶. Здесь просматривается элемент западного массового сознания, где для человека, воспитанного в культуре фильмов Голливуда, убийство конкретного тирана, диктатора само по себе способно сменить вектор исторической динамики.

Приведенные примеры свидетельствуют: массовое сознание испытывает интерес к контрфактическому моделированию прошлого. Сторонники классической исторической науки могут сколько угодно призывать «оградить» простых людей и молодежь от вопросов на тему «что было бы, если?», но это практически бесполезно. Второе: ученым нельзя ограничиваться только сетованиями на сложившуюся ситуацию как неприемлемую. Им следует понять: почему (исходя из каких идей и мыслительных процедур) на уровне обыденного познания люди рассуждают на тему «что было бы, если?» именно подобным образом? Такова главная цель настоящей работы.

⁵ Одиссей... 2000. С. 50.

⁶ А вы убили бы Гитлера ребенка, попав в прошлое?//<https://hodor.lol/post/45963/>

Отношение к КФМ научного сообщества

На Западе контрфактическое моделирование прошлого – достаточно распространенный прием его познания. В СССР официальная наука относилась к нему «подозрительно», ибо такой подход мог привести к отрицанию фаталистичности восприятия минувшего, когда вся предшествующая история России «готовила Октябрь»⁷, приход к власти партии большевиков в 1917 г. Историки и философы часто прибегали к тезису «в истории нет сослагательного наклонения» (особенно после пространных рассуждений на тему «что было бы, если?»). Вместе с тем появлялись работы, где предлагались сценарии потенциального прошлого⁸.

В ходе перестройки и после распада СССР поток литературы по данной тематике, как научной, так и художественной, существенно вырос. В русле этой тенденции в журнале «Вопросы философии» в 1990 г. появилась работа Г.С. Померанца «История в сослагательном наклонении»⁹, в 1995 г. в журнале «Родина» (№ 5) была опубликована статья С.В. Кудряшова и Д.И. Олейникова с интригующим названием «Окупированная Москва», где ученые рассматривали ранее запретную тему последствий поражения СССР осенью 1941 г. Продолжалась также теоретическая разработка тематики КФМ в трудах И.В. Бестужева-Лады, С.А. Модестова, А.П. Назаретяна, С.А. Экштута и др. Результаты эмпирических и методологических поисков 1990-х гг. подвела прошедшая в ИВИ РАН дискуссия «История в сослагательном наклонении?» (1999)¹⁰.

Итог длительного рассмотрения указанных вопросов в пределах науки (начатых как минимум Титом Ливием, а порой и более ранними мыслителями вплоть до Аристотеля, Лукиана из Самосаты и др.) – становление нескольких парадигм: «ретропрогностической», «возможность – действительность»; «бифуркационной»¹¹.

Сущность КФМ как научного подхода

С точки зрения авторов, научно обоснованное КФМ включает ряд этапов: 1) выдвижение определенных гипотез на тему «что было бы, если?» (с их четкой формулировкой); 2) создание сценария (описания потенциального прошлого); 3) его проверка средствами науки¹². Каждая из стадий предполагает специфическую методологию. Только проведенные системно и последовательно они дают ответ относительно достоверности вывода о степени истинности гипотезы, сделанного на

⁷ Покровский 1932. С. 263.

⁸ В частности, в книге Н.Я. Эйдельмана «Апостол Сергей» (об одном из лидеров декабристов С.И. Муравьева-Апостоле) находилась глава «Фантастический 1826-й» о последствиях успеха восстания Южного общества для судьбы России.

⁹ Помернац 1990.

¹⁰ Одиссей 2000. С. 5-85.

¹¹ Нехамкин 2006.

¹² Нехамкин 2010.

основе альтернативного сценария. Не исключая иных взглядов на суть и задачи КФМ, авторы будут исходить из данной позиции как базовой и соотносить (сравнивать) с ней попытки КФМ, идущие вне науки.

*Источники раскрытия альтернатив прошлого
в обыденном познании*

Рассуждения на тему «что было бы если?» за пределами науки протекают в следующих формах. Во-первых, антологии (индивидуальные и коллективные книги, где описывается ряд альтернативных вариантов прошлого, относящихся к одной / нескольким эпохам или странам)¹³. Здесь альтернативные сценарии публикуют не только писатели, журналисты, публицисты, но и некоторые ученые. Во-вторых, художественные произведения (романы, повести, рассказы). На их основе создаются кинофильмы («Убить дрозда», «Мы из будущего», «Гуман», «Фатерланд» и др.), влияющие на общественное сознание. В-третьих, программы, высказывания политических деятелей (партий), чиновников, где описание потенциального прошлого служит аргументом в пользу своей позиции. В-четвертых, мемуарная литература (бывших политиков, военных, деятелей искусства и культуры), где очерчиваются последствия реализации конкретных альтернатив. В-пятых, работы публицистов, применяющих отдельные научные методы, но не связанных в целом научной методологией¹⁴. На практике данные источники пересекаются. В работе рассмотрены рассуждения на тему «что было бы, если?» (гипотезы и сценарии) писателей, политиков, публицистов.

Вопрос о причинах использования КФМ за пределами науки сложен. Во-первых, это способ ухода от реальности, мысленного погружения в более «лучший» мир, его конструирования. Во-вторых, рассуждения на тему «что было бы, если?» – средство обоснования определенной позиции по отношению к прошлому, концепции его восприятия в целом и/или отдельного периода. В-третьих, способ аргументации в дискуссиях, в т.ч. и политического характера. В-четвертых, средство преобразования настоящего путем предложения некоей альтернативы текущему («отрицательному») положению дел. Отметим, что на практике в обыденном сознании указанные мотивы тесно переплетаются, зависят от уровня интеллекта, профессионального и иного опыта «разработчика».

*Методика раскрытия содержания альтернатив прошлого
в обыденном познании*

Научное и обыденное познание имеют сходную цель в отношении альтернатив прошлого – выдвинуть соответствующую гипотезу на тему «если бы» и раскрыть ее содержание в виде сценария. В этом пункте задачи научного и ненаучного КФМ сходятся. Они делают, по точному

¹³ Норт 2002; Пламя «холодной войны»...

¹⁴ Nekhamkin 2017.

замечанию С.А. Экштута, попытку «представить, как развивались бы исторические события, если бы побежденная в действительности альтернатива, одержав воображаемую победу, получила бы возможность реализоваться»¹⁵. Различия же между учеными, моделирующими персональные судьбы, исторические события, и «непрофессионалами» (публицистами, политиками, журналистами и т.д.) начинаются потом, на уровне используемой методологии и полученных результатов исследования, степени их достоверности.

Способы выдвижения гипотез на уровне обыденного и научного КФМ сходятся. В обоих случаях главными объектами становятся исторические личности и события. Они задают уровни исследования: персоналистский и событийный. Укажем существующие на каждом из них приемы выдвижения контрфактических гипотез¹⁶.

Персоналистский: 1) продление бытия реально существовавшей личности в прежнем социальном качестве (Александр Македонский не умирает в 33 года, а остается правителем и дальше – А. Тойнби); 2) удаление (физическое) реально существовавшей исторической личности (И.В. Сталин умирает не в 1953, а в 1933 г.¹⁷); 3) пространственно-временное перемещение личности (Наполеону удается побег из ссылки на острове св. Елены в Африку); 4) приписывание существовавшей личности каких-либо иных, ирреальных (по отношению к совершенным на практике) действий (Гитлер принимает решение провести операцию «Морской лев» именно в 1940 г. вместо ее переноса на более поздний срок – работа К. Макси «Вторжение, которого не было»).

Событийный: 1) продление существования события во времени (рабство США отменяют не в 1863, а в 1890 г.); 2) удаление события (поход армии Наполеона на Россию в 1812 г. не состоялся); 3) изменение составляющих событие элементов (субсобытий) – войска Груши успевают присоединиться к основным силам французов в битве при Ватерлоо (1815); 4) изменение итога реального события (морскую битву при острове Саламин 480 г. до н.э. выиграли персы, а не эллины, как в реальной истории); 5) перенос реализации события во времени (нападение Германии на СССР осуществлено в 1942, а не в 1941 г.); 6) введение в исторический процесс нового события (сохранившая в действительности нейтралитет Турция в 1942 г. присоединяется к странам Оси в ходе Второй Мировой войны).

Какие из приемов выдвижения гипотез наиболее популярны на обыденном уровне КФМ? Прежде всего, это приписывание существовавшей личности каких-либо ирреальных действий. У любого человека

¹⁵ Экштут 2000. С. 79.

¹⁶ Нехамкин 2010. С. 110-126.

¹⁷ Померанц 1990. С. 59.

не раз возникало желание: поставить себя мысленно на место какого-либо известного персонажа. Так, «став» Наполеоном в день битвы при Ватерлоо 18 июня 1815 г., можно принять за него «иное» решение, способное изменить прошлое в данном пункте. Ибо действия, приведшие императора к поражению, известны благодаря апостериорному знанию.

Удобство подобной методики состоит в том, что ее можно применить и к личной судьбе. А вот если бы я 20 лет назад вместо вуза Х поступил в Z? Был бы вместо нынешнего инженера врачом или летчиком? Если бы выбрал в спутники/спутницы жизни иного (иную) мужчину/женщину? Это – реальные примеры КФМ на уровне обыденного сознания. Ведь, как справедливо отмечал писатель Д.А. Гранин, «у каждого человека есть несколько несбывшихся биографий, набор случайно несостоявшихся судеб»¹⁸. Каждую из них можно (и нужно) изучать.

Далее по распространенности идет прием пространственно-временного перемещения. Как правило, здесь работают с реальными персонажами, изменяя место действия. Так, можно допустить, что Наполеон, находясь в ссылке на острове св. Елены (1815 –1821), сбежал еще раз, но уже в Африку, где основал новую империю (роман М.К. Первухина «Вторая жизнь Наполеона»). С реальностью такая гипотеза согласуется: ибо покинул Наполеон место предшествующей ссылки на Эльбе в марте 1815 г. и за две недели вновь обрел престол Франции.

На событийном уровне наиболее распространены следующие приемы: изменение итога реального события, удаление события.

Сложнее дело обстоит с методологией исследования. Ученые постоянно ищут правила моделирования исторических альтернатив. Даже Тит Ливий создавал сценарий потенциального столкновения воинов Александра Македонского и Древнего Рима, опираясь на ряд параметров: сравнение таланта полководцев, численность войск, организацию армий, их готовность к затяжным конфликтам¹⁹. В XIX–XX вв. универсальные способы формирования сценариев предлагали: К. Клаузевиц²⁰, С. Хук²¹, Д. Мило²², И.В. Бестужев-Лада²³.

Интересную попытку разработать методику рассуждения на тему «если бы» для обыденного сознания предпринял отечественный писатель В.П. Некрасов в повести «Саперлипопет, или если бы да кабы, да во рту росли грибы». Он работал преимущественно на персоналистском уровне, начав с собственной биографии. Его семья уехала в 1915 г. из Парижа в Киев. Писатель озадачен мыслью: что было бы со мной, ес-

¹⁸ Гранин 1973. С. 84.

¹⁹ Тит Ливий 2002. С. 517-521.

²⁰ Клаузевиц 1997. С. 155-157.

²¹ Хук 1994. С. 214-215.

²² Мило 1994. С. 197.

²³ Бестужев-Лада 1997. С. 122.

ли...? Он предлагает гипотезу: «А действительно, не вывези меня родители из Парижа в пятнадцатом году? Кем бы был? В кого бы вырос?»²⁴. Отсюда вытекает вторая стадия анализа – контрфактический сценарий лично-персонального уровня. Такое описание персонального потенциального прошлого важно для дальнейшего становления личности писателя, подведения итогов предшествующего творчества.

Подобную методику писатель переносит на персоналии исторические. Он предлагает рассмотреть гипотезы из серии: если бы насморк «не замучил Наполеона в день Бородина...», а К.Ш. Штауфенберг поставил 20 июля 1944 г. «...портфель с бомбой сантиметров на десять ближе к Гитлеру... Выстрели удачнее (в Ленина в августе 1918 г. – прим. авт.) ... Фанни Каплан»²⁵. Как видим, писатель интуитивно применяет отдельные приемы выдвижения альтернативных гипотез: приписывание Наполеону каких-либо ирреальных (более успешных) действий, «досрочное» удаление личностей Гитлера и Ленина с исторической арены. Этого методологического «багажа», по мнению Некрасова, достаточно, чтобы дать описание (сценарий) последующих альтернатив, вытекающий из имеющегося уровня знаний, пристрастий, оценок.

За пределами науки реконструкция исторических альтернатив оказывается неполной. Писатели, публицисты либо выдвигают какую-либо гипотезу и сразу из нее спешат сделать вывод, либо создают сценарий (описание), базирующийся на их оптимистическом взгляде на вещи, никак не проверяя изложенные здесь утверждения. Конечно, с литературной, эстетической, даже познавательной позиций такие далекие от науки описания потенциального прошлого полезны. Во-первых, изложенные в романах, повестях альтернативы прошлого рисуют перед читателем привлекательные «миры». Во-вторых, заставляют его самого рассуждать на тему «если бы» по отношению к прошлому, делают мышление значительного числа людей менее фаталистичным, более креативным. В-третьих, привлекают внимание к изучению истории. В-четвертых, заставляют разрабатывать сюжеты, к которым мало обращаются ученые (например, последствиям успеха крестьянского восстания Емельяна Пугачева 1773–1775 гг., описанным в романе М.К. Первухина «Пугачев-победитель»). В-пятых, «заряжают» читателя оптимизмом. Ибо при рассмотрении альтернатив минувшего, как правило, герою удается «преобразование» прошлого. Ведь какой смысл писателю разрабатывать сценарий, где все кончится «плохо», а Наполеон не сможет, например, создать империи в Африке после побега с острова св. Елены?

Отсюда мы выдвигаем гипотезу: при осуществлении КФМ за пределами науки обосновываемая авторами идея подчас оказывается более

²⁴ Некрасов 1991. С. 267.

²⁵ Некрасов 1991. С. 265.

важной, чем средства проверки степени ее достоверности. Это ведет к ошибкам, знание которых может оказаться полезным и для ученых при разработке их методологии. Мысленно изменяя свершившееся прошлое, можно найти ценную информацию, неиспользованные и полезные варианты поведения. Новизна нашего подхода – в стремлении показать: научное и обыденное познание, идущие разными путями, не только антиподы, но и дополняющие друг друга стороны.

*Специфика контрфактических исторических сценариев
на уровне обыденного познания*

Сценарии – наиболее популярный элемент, привлекающий внимание к альтернативам прошлого широкой общественности. Поэтому мы рассмотрим два ранее популярных описания содержания альтернатив минувшего. Одно создал литератор, другое – будущий премьер-министр Великобритании. Однако ошибки у них (с точки зрения научного КФМ) оказались близкими. Кроме того, интересен исторический контекст, породивший данные сценарии, лежащие в их основе идеи.

Начнем анализ с вышедшего в 1836 г. романа Л.Н. Жиффруа-Шато «Наполеон и завоевание мира, 1812–1823: история всемирной монархии», где «создан фантастический мир, наступивший после поражения русских в 1812 году»²⁶. Эта работа характерна не только красочностью описания потенциального прошлого (сценарием). Она заинтересовала и ученых. Д. Норт предлагает именно с этой книги начинать «отсчет» существования альтернативной истории, что неверно, ибо развернутый контрфактический сценарий дан еще Титом Ливием.

Почему Жиффруа-Шато взялся за такой альтернативный сюжет? Во-первых, он глубоко почитал императора Франции. Во-вторых, после окончательного поражения Наполеона в 1815 г., на престоле закрепилась династия Бурбонов (Людовик XVIII). Интеллектуальный уровень ее представителей, их непонимание произошедших в ходе Французской революции перемен привели к низложению в ходе Июльского восстания 1830 г. режима преемника Людовика Карла X. Однако и Бурбоны, и их «сменщики» в лице Орлеанской династии (король Луи-Филипп I) не шли ни в какое сравнение с Наполеоном. Значительная часть французов, помнивших о былом величии, ждала в 1820-е гг. и позже возвращения императора. Конечно, смерть Наполеона в ссылке (1821) не давала этим планам осуществиться в реальности. Но в 1830–40-х гг. во французском обществе был «спрос» на правителя, подобного Наполеону I. Не случайно под действием подобных настроений к власти придет и в 1852 г. станет императором его племянник Наполеон III.

В такой ситуации оставался вопрос: в чем Наполеон ошибся? Поскольку закат карьеры императора начался с русского похода, Жифф-

²⁶ Норт 2002. С. 10.

руа-Шато решает изменить его ход. В его сценарии Наполеон принимает противоположное реализованному на практике решение: взяв в сентябре 1812 г. Москву, французская армия не остается в ней, а начинает наступление на столицу – С.-Петербург. На пути французы сталкиваются с русско-шведско-английской армией (ибо на помощь русским приходят шведы и экспедиционный корпус англичан). Они вступают с Наполеоном в «генеральное сражение» 8 октября 1812 г. под Новгородом. Французская армия его выигрывает. Через неделю Наполеон уже вступает в Санкт-Петербург и диктует Александру I условия мира.

С позиции методологии КФМ, на которую мы ориентируемся, сценарий Жиффруа-Шато содержит ряд существенных изъянов. Откуда на театре боевых действий появляются англичане? Как быстро сюда прибыли бы их сухопутные силы (занятые борьбой с французами в Испании)? Что стало бы с тылами (коммуникациями) армии Наполеона в случае броска на С.-Петербург? Чем питались бы лошади его кавалерии? Как бы французы (без мощного флота) штурмовали С.-Петербург? Привело ли бы взятие столицы России к концу войны? Все эти «проверочные» вопросы для своего сценария Жиффруа-Шато просто не ставит, что делает его реализацию маловероятной. В ходе «Петербургского похода» Наполеон рисковал потерять «Великую армию» гораздо раньше конца 1812 г. Однако красочность описания потенциального прошлого, выявление его новых причинно-следственных связей привлекли к роману немало читателей, способствовали усилению культа Наполеона во Франции, что вскоре привело на трон его племянника.

Конечно, Л.Н. Жиффруа-Шато не знал технологии принятия решений на государственном уровне, не руководил крупными воинскими контингентами. Возможно, писателю не хватало практического опыта и потому его сценарий остался оторванным от реальности?

В 1931 г. в США вышла антология «Если бы, или Переписанная история»²⁷. В ней принял участие У. Черчилль, политик с колоссальным административным, дипломатическим, военным опытом – в годы I Мировой войны первый лорд Адмиралтейства, будущий премьер-министр страны в ходе II Мировой войны. Он взялся рассматривать последствия успеха армии командующего войсками Конфедеративных Штатов Америки (КША) в битве при Геттисберге (1863) Р. Ли вместо последовавшего в реальности поражения КША в апреле 1865 г. Казалось, контрфактический сценарий У. Черчилля мог получиться почти безупречным с позиции науки и практики. Но этого не случилось. Опять-таки «виноватой» оказалась идея, которую Черчилль пытался доказать: он полагал, что в случае объединения «англоязычных» стран, Великобритании и США, они смогли бы уберечь Европу от войн начала XX в.

²⁷ If or History Rewritten 1931.

Суть сценария. Поражение северян при Геттисберге ведет к завершению гражданской войны «вничью». Причина такова: «когда одержана крупная победа, ... все звенья в цепи ее последствий гремят с неукротимой силой» – Северные штаты, «уставшие» от длительного конфликта, заключают перемирие. На месте США образуются два государства: «новые» США (в лице северных штатов) и КША. Такому развитию событий способствует и неожиданный «ход» со стороны Ли: после победы он **отменяет** рабство. Раз борьба «Севера» шла против рабовладельцев-южан, то препятствий к миру более нет. Опасаясь вероломства «соседа», КША заключают союз с Великобританией (она становится «гарантом» их независимости). В результате в начале XX в. появляются «Воссоединенные штаты» – союз англоязычных наций, где объединяются три указанных государства (США, КША, Великобритания), ставшие за сорок лет (1865–1905 гг.) «частями единого организма и наследниками общего достояния». (Отметим: интеграция происходит благодаря языковому сходству народов). В июле 1914 года «Воссоединенные штаты» делают (после инцидента в Сараево) заявление о готовности объявить войну всякому государству, чьи армии вторгнутся на территорию иной страны. Германская империя и союзная ей Австро-Венгерская «отступают», Мировая война не начинается.

Проверка этого контрфактического сценария показывает его нежизнеспособность. «Северяне» ранее в Гражданской войне проиграли немало сражений, но все равно не шли на компромисс, имея более значительный промышленный потенциал, чем противник. Почему бы еще одно поражение с «неукротимой силой» привело их к миру с врагом? Далее: Черчилль должен был понимать, что командующий армией Ли не имел права принять **политического** решения об отмене рабства (оно находилось в компетенции правительства КША, ее президента Д. Дэвиса). Если бы Р. Ли позволил себе что-то подобное, то немедленно лишился бы должности. (Думаем, сам Черчилль на месте Дэвиса поступил бы с Ли аналогично). Наконец, не ясно: почему США, КША, Великобритания объединились бы в союз в начале XX в.? Какие их (кроме языка) связывали общие интересы? Столь же сомнительно, что ультиматум «Воссоединенных штатов» остановил бы войну в Европе. Черчилль не говорит о наличии у «Воссоединенных штатов» армии, ее силе, боевом опыте, скорости переброски войск в Европу и т.д. По нашему мнению, абсурдно без оценки военного потенциала «Воссоединенных штатов» моделировать последствия их «ультиматума» в Европе 1914 г.

На первый взгляд кажется, что перед нами фантастический «проект» отставного политика, обосновываемый с помощью КФМ. Но он имел важные практические последствия. Во-первых, У. Черчилль, едва став премьер-министром, предложил в июне 1940 г. уже почти разгромленной вермахтом Франции (как средство предотвращения капитуля-

ции) государственное объединение с Великобританией. В итоге получил отказ и такую оценку де Голля (ее можно частично отнести и к «Воссоединенным штатам»): «невозможно ...объединить в одно целое, пусть даже в принципе, обе эти страны с их *интересами* (курсив авт.), учреждениями и владениями (колониальными – прим. авт.)»²⁸. Во-вторых, на основе полученного (в т.ч. через КФМ) опыта Черчилль в 1940–1941 гг. решил пойти на союз с США, благодаря которому англичане оказались в роли победителей во II Мировой войне. Показательно, что о такой перспективе британский политик прозорливо задумывался еще в 1931 г.

В сценариях Л.Н. Жиффруа-Шато и У. Черчилля отсутствуют механизмы проверки описанного потенциального прошлого. От ошибок Черчилля не «спас» даже личный и профессиональный опыт. Вместе с тем подобные сценарии играли важную роль, ибо демонстрировали потребность в сильном правителе, подобном Наполеону I во Франции в 1840-е гг. (для чего Жиффруа-Шато и раскрывал позитивные последствия его победы). Наконец, У. Черчилль через КФМ прорабатывал еще до начала Второй Мировой войны контуры будущего союза Великобритании и США, реализованного на практике в 1940–1945 гг. Так что излагаемые в контрфактических сценариях идеи не пропали даром.

*«Жили бы, как в Европе»: схема «гипотеза – вывод»
в КФМ на уровне обыденного сознания*

Поскольку на уровне обыденного сознания КФМ прошлого и осуществляющие его люди не ограничены никакими запретами и имеют цель доказать правоту выдвигаемой идеи любыми средствами, постольку они часто просто отказываются от сценария. Рассуждают по схеме: контрфактическая гипотеза – вывод из нее. Отсюда возрастает роль «неограниченной» аналогии в подобных умозаключениях, а также риск их противоречий исторической реальности. Чаще других от сценария при проведении мысленного эксперимента на тему «что было бы, если?» отказываются политики. Здесь нет ничего удивительного. Как отмечает Л.П. Репина, «исторические аргументы всегда активно использовались в политической практике, общественных дискуссиях и в социальных программах»²⁹. Их распространенная цель (даже на уровне традиционной истории) – не поиск истины, а доказательство исключительной «правоты» собственной позиции, чтобы она была наиболее наглядным образом продемонстрирована народу страны и на международной арене. Отсюда в таком «упрощенном» виде порой используется политиками и КФМ.

Рассмотрим современный пример. В 1990-х гг. в отношениях стран Балтии с РФ «постоянно высказывалось утверждение: если бы в 1940 г. эти республики не стали советскими, то они развивались бы совсем по-

²⁸ Вторая мировая война в воспоминаниях ... 1990. С. 225.

²⁹ Репина 2011. С. 15.

другому, достигнув высот Швеции или Исландии. А поскольку они сейчас находятся в несколько ином положении, то Россия, как правопреемник СССР, должна компенсировать разницу, установив историческую справедливость»³⁰. За прошедшие два десятилетия к списку «образцов», который страны Балтии могли бы достигнуть без «советской оккупации» прибавилась Финляндия. (Эта аналогия исторически более корректна, чем «шведско-исландская», ибо СССР так и не включил Финляндию в свой состав, несмотря на попытки в 1939–1940, 1944 гг.). Здесь альтернативные суждения о прошлом – не плод мышления публицистов-националистов, а часть государственной политики. Министр юстиции Латвии 5 ноября 2015 г. заявил: «Если бы оккупации Балтийских стран не было, то наш уровень жизни был бы как минимум на одном уровне с Финляндией. Но мы видим, что у нас одни убытки (курсив авторов). В то же время мы убеждены, что Россия должна признать оккупацию, а также понимать, что Латвии нанесен огромный ущерб»³¹.

Авторов в сложившейся ситуации интересует не политический, а чисто гносеологический момент: отсутствует описание того, как развивались бы события в Латвии, Литве, Эстонии 1940 г. и в последующее время без вмешательства СССР. «Методология» рассуждений политиков строится по следующей схеме: сначала используется прием «мысленное удаление события», выдвигается гипотеза: «если бы оккупации со стороны СССР не было», затем проводится поиск высокоразвитого государства-образца, достигшего нынешних «высот» без реализации такого события. Подобные процедуры приводят к однозначному выводу: «жили бы сейчас на ее (европейской страны-образца) уровне». Сценарий при таком подходе «закономерно» выпадает. Его отсутствие дает возможность заниматься безальтернативной «пропагандой» своей ретроальтернативной точки зрения. При этом не надо отвечать на «неудобные» проверочные вопросы: были бы в 1940 г. Литва, Латвия, Эстония оккупированы нацистской Германией, если бы их «силой» не присоединили к СССР? Откуда бы прибалтийские государства при самостоятельном развитии в 1950-е гг. взяли средства на модернизацию своей промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства (в реальности вложенные туда СССР³²)? Имел ли бы место без советской «оккупации» рост экономики в каждой из этих стран? Развивались бы и какими темпами их традиционные отрасли хозяйства (например, рыболовство)? Короче говоря, какого-либо конкретного и подробного описа-

³⁰ Одиссей 2000. С. 5.

³¹ «Латвия обвинила СССР в недостаточно хорошем уровне жизни» (<http://www.news.rambler.ru/politics/31844035>)

³² По официальной версии статистических органов СССР, объем промышленного производства Латвии в 1950 г. в три раза превысил соответствующий показатель 1940 г., а к 1975 г. – в 37 раз (БСЭ 1977. С. 531, 533).

ния пусть даже «райской» жизни Литвы, Латвии, Эстонии без «советской оккупации» не приводится. В итоге отсутствия сценария рассуждение по схеме «гипотеза – вывод» становится явно надуманным в качестве аргумента в межгосударственных отношениях.

Заключение

Урок 1. *О роли аналогии при контрфактическом моделировании прошлого.* Из существующих на уровне обыденного и научного познания методов чаще всего «подводит» аналогия: потенциальное прошлое реконструируется через перенос известного настоящего на прошлое с минимальным учетом качественного фактора. Иногда аналогия возникает по принципу от противного («было так, стало бы иначе»), что сопровождается отказом от сценария. По мнению авторов, аналогия при КФМ прошлого нужна и в науке, и за ее пределами. Возникающие при использовании данного приема опасности нейтрализуются двумя путями: качественным анализом объекта, созданием сценария его развития.

Урок 2. *О необходимости «долгосрочного» ретроальтернативного прогнозирования.* Часто ошибаются при занятиях КФМ и когда пытаются выявить причинно-следственные связи, идущие от «измененного» фрагмента минувшего на значительную временную перспективу. Мы видим, как «запутывается» в них Черчилль, реконструируя альтернативный ход событий с 1863 до 1914 г. При отсутствии соответствующей проверки сценария ему не помог и личный опыт политика. У некоторых ученых складывается даже комплекс «страха» выйти за пределы науки, осуществляя подобное долгосрочное ретропрогнозирование.

Авторы настоящей работы осуществили моделирование тенденций, которые могли быть порождены последствиями победы восстания декабристов в России 1825 г., до начала XX в.³³ В ответ прозвучало следующее замечание А.В. Корневского: «можно, не покидая научной почвы, обсуждать степень вероятности успеха восстания декабристов на Сенатской площади, но, когда гипотетические последствия победы декабристов пролонгируются до Крымской, Русско-японской и даже Первой Мировой войны, это уже больше походит на “фэнтези”»³⁴.

Что возразить? Во-первых, есть закономерность: «не делаешь ты, делают другие». Не стоит тогда «обижаться» ученому, что занимаются долгосрочным КФМ прошлого не профессионалы, а «риторы». Во-вторых, прогнозирование будущего, тоже осуществляемое в форме моделей, включает и такие его виды, как долгосрочное (до 50 лет) и сверхдолгосрочное (до 100 лет). Ученые прекрасно понимают, что прогноз на «...столетие не может быть полным и безоговорочно верным»³⁵. Здесь

³³ Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. 2006. С. 805-812.

³⁴ Корневский 2017. С. 23.

³⁵ Фридман 2010. С. 328.

неизбежно случаются ошибки. Но такая ситуация – не повод отказаться от такого вида предвидения полностью. При обращении же к минувшему субъекты находятся в несколько лучшем положении: уровень их знания прошлого существенно выше, чем будущего. Поэтому прогнозирование потенциального прошлого, его вариантов на длительную перспективу – абсолютно нормальный прием. *В то же время методологию подобного анализа следует постоянно совершенствовать.*

Урок 3. *Без описания потенциального прошлого (сценария) КФМ становится бездоказательным, а потому – бессмысленным.* Если ограничиваться, как делают нынешние политики (и не только они), рассуждениями на тему «что было бы, если?» по схеме «гипотеза – вывод», то прока от такого занятия будет сравнительно мало. Они, как знал еще в XIX в. И.Е. Забелин, легко оправдывают народную «лень», покорность объективным обстоятельствам³⁶. Новые стороны прошлого при КФМ раскроются, по нашему мнению, только, если гипотезу будет сопровождать сценарий, описывающий конкретные формы ее проявления. Это положение верно для обыденного и научного познания.

Урок 4. *Необходима проверка контрфактических исторических сценариев.* Однако ее способы не носят универсального характера. Кроме того, они не адаптированы для использования на уровне ненаучного познания, что часто порождает фантастическое восприятие альтернатив прошлого. Указанные проблемы тоже придется решать ученым.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.
- Большая советская энциклопедия. Т. 24. Кн. 2. М., 1977.
- Битва за Ленинград. Проблемы современных исследований. Сб. статей. СПб., 2007.
- Боллингброк Г.С. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.
- Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990.
- Гранин Д.А. До поезда оставалось три часа. Л., 1973
- Забелин И.Е. Современные взгляды и направления в русской истории // История и историки. М., 1995. С. 411–442
- Клаузевиц К. О войне. М., 1997.
- Корневский А.В. «Оскомина иллюзий» или «власть несбывшегося»? // Новое прошлое. The New Past. 2017. № 1. С. 10–28
- Мило Д. За экспериментальную, или веселую историю // THESIS. 1994. № 5. С. 185–205.
- Некрасов В.П. В самых адских котлах побывал... Сборник повестей и рассказов, воспоминаний и писем. М., 1991.
- Нехамкин В.А. Сослагательное наклонение в историческом познании // Вестник Российской академии наук. 2006. № 2. Т. 76. С. 135–138.
- Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. Если бы победили декабристы... // Вестник Российской академии наук. 2006. № 9. Т. 76. С. 805–812.
- Нехамкин В.А. Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. М., 2010.

³⁶ Забелин 1995. С. 425–426.

Нехамкин В.А. Контрфактический вызов прошлого: пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 3. С. 248–256.
Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если?... М., СПб., 2002.
Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
Пламя «холодной войны». Операции, которых не было. М., 2004.
Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932.
Померанц Г.С. История в сослагательном наклонении // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 55-66.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Тит Ливий. История Рима от основания Города. В 3 т. Т. 1. М., 2002.

Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М., 2010.

Хук С. «Если бы» в истории // THESIS. 1994. № 5. С. 206–215.

Экштут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 79–92.

If or History Rewritten. N. Y., 1931.

Nekhamkin V.A. Sources of alternate history and its methodological significance // Istorija-elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal. 2017. V. 8. N 2. DOI 10.18254/S0001696-4-1.

REFERENCES

Bestuzhev-Lada I.V. Retroalternativistika v filosofii istorii // Voprosy filosofii. 1997. № 8. S. 112-122

Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. T. 24. Kn. 2. M., 1977.

Bitva za Leningrad. Problemy sovremennyh issledovanij. Sbornik statej. Spb., 2007.

Bolingbrok G.S. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. M., 1978.

Vtoraja mirovaja vojna v vospominanijah U. Cherrhillja, Sh. de Gollja, K. Hjella, U. Legi, D. Jejzenhaujera. M., 1990.

Granin D.A. Do poezda ostavalos' tri chasa. L., 1973.

Zabelin I.E. Sovremennye vzglyady i napravlenija v russkoj istorii // Istorija i istoriki. M., 1995. S. 411-442.

Klauzevic K. O vojne. M., 1997.

Korenevskij A.V. «Oskomina illuzij» ili «vlast' nesbyvshegosja»? // Novoe proshloe. The New Past. 2017. № 1. S.10–28.

Milo D. Za jeksperimental'nuju, ili veseluju istoriju // THESIS. 1994. № 5. S. 185-205.

Nekrasov V.P. V samyh adskih kotlah pobylal... Sbornik povestej i rasskazov, vospominanij i pisem. M., 1991.

Nekhamkin V.A. Soslagatel'noe naklonenie v istoricheskom poznanii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2006. № 2. T. 76. S. 135–138.

Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. Esli bi pobedili dekabristy... // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2006. № 9. T. 76. S. 805-812.

Nekhamkin V.A. Stanovlenie kontrfakticheskoj istorii: filosofsko-metodologičeskij aspekt. M., 2010.

Nekhamkin V.A. Kontrfaktičeskij vyzov proshlogo: puti preodolenija // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2017. T. 87. № 3. S. 248-256.

Nort D. Napoleonovskie vojny. Chto, esli?... M., SPb., 2002.

Odissej. Chelovek v istorii. 2000. M., 2000.

Plamja «xolodnoj vojny». Operacii, kotoryh ne bylo. M., 2004.

Pokrovskij M.N. Russkaja istorija v samom szhatom ocherke. M., 1932.

Pomeranc G.S. Istorija v soslagatel'nom naklonenii // Voprosy filosofii. 1990. № 11. S. 55-66.

Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M., 2011.

Tit Livij. Istorija Rima ot osnovaniya Goroda. V 3 t. T. 1. M., 2002.

Fridman D. Sledujushhie 100 let: prognoz sobytij XXI veka. M., 2010.

Huk S. «Esli by» v istorii // THESIS. 1994. № 5. S. 206-215.

Jekstut S.A. Soslagatel'noe naklonenie v istorii: voploshhenie nesbyvshegosja. Opyt istoriotskogo osmyslenija // Voprosy filosofii. 2000. № 8. S. 79-92.

If or History Rewritten. N. Y., 1931.

Nekhamkin V.A. Sources of alternate history and its methodological significance // Istoriya-electronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal. 2017. V. 8. N 2. DOI 10.18254/S0001696-4-1.

Нехамкин Аркадий Наумович, доктор экономических наук, профессор, *nehamkin.nauka@yandex.ru*

Нехамкин Валерий Аркадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана: *nehamkin@rambler.ru*

Counter-factual modeling of the past in everyday cognition

This article discusses the features of counterfactual modeling of the past in relation to everyday knowledge. The ideas underlying the nomination of alternative historical hypotheses and the creation of descriptions of the potential past are revealed.

Keywords: counter-factual historical modeling, ordinary cognition, frustrated scripts of the history, the test of the frustrated scripts of the history

Arkady Nekhamkin, Doctor of Economic Science, professor; *nehamkin.nauka@yandex.ru*

Valeriy Nekhamkin, Doctor of Philosophical Sciences, professor, professor at the Bauman Moscow State Technical University; *nehamkin@rambler.ru*